

КРАЕВЕДЕНИЕ

Г. В. МУРЗО

Голос времени

Мологская частушка начала 20 века, послужившая автору материалом для наблюдения, позволила «оживить» малый уголок деревенской Атлантиды, более или менее типичный, проиллюстрировать своеобразие культурно-исторического момента, расширить исследуемый контекст, заставив звучать и другие голоса времени.

The chastooshka of Mologa of the beginning of the XX century served to the author as a material for observation, has allowed "to recover" a small corner of rural Atlantis, more or less typical for it, has allowed to illustrate the originality of the cultural and historical moment, to expand the context under investigation, having forced to sound other voices of time.

Поводом и основным источником материала для данной статьи послужила публикация в октябрьском номере «Голоса» за 1912 год [8. С. 2]. Любимая ярославцами, хорошо известная в северных губерниях России, эта газета издавалась К. Ф. Некрасовым и Н. П. Дружининым, либералами по политическим взглядам и просветителями по устремлениям. Знакомство с газетой от момента ее учреждения в 1909 году до 1916 года включительно позволяет утверждать, что она отвечала зову времени, внося значительный вклад в просветительство народных масс и воспитание у интеллигенции интереса к общественной деятельности, в том числе и в виде популяризации знаний, приходящих к человеку через живое слово – книгу и устное творчество. Своеобразный литературный семинар газета сочетала с фольклорными экскурсами.

Заинтересовавший нас очерк «Моды в мологской деревне»¹ представлял взгляд автора на обозначенный в названии вопрос сквозь призму народной частушки². Он принадлежал К. Парменову и был частным случаем реализации одного из приоритетных на-

правлений, выбранных «Голосом» для освещения: изучение и описание истории Ярославского края и его современного культурного быта. Демократически настроенная газета усматривала в том консолидирующий фактор общественной жизни, растревоженной революцией 1905 года.

Сказанное подтверждает пафос обращения издателей к подписчикам при рекомендации им приложения к «Голосу» – журнала «Ярославские зарницы», в котором, по замыслу, больше внимания должно быть уделено «области археологии, этнографии и народного творчества»:

«Сокровенная задача /.../ поднять интерес к своему родному, к своей губернии, уезду, селу; к /.../ тем, что живут и жили среди нас, часто незаметные, неизвестные... Пробудить патриотизм, тоже местный, но в лучшем смысле этого слова, /.../ без которого немисливо возрождение нации...»

/.../ Мы верим, откликнутся люди, поделятся своим знанием, опытом, наконец, теми материалами, которые есть у них, и с их помощью мы одолеем задачу» [17. С. 114].

Среди тех, кто откликнулся, был и К. Парменов. Частушка служила публицисту надежным источником знания о новой деревне, но одновременно давала возможность познакомить читателя с широко распространенным в народе видом творчества [11. С. 456].

Пределом того спектра народной песни, началом которого являются былина, историческая песня и духовный стих, назвал деревенские куплеты П. А. Флоренский. Отмечая в частушках черты импрессионизма, крайнего субъективизма и своеобразного символизма, он сравнивал их с современной поэзией, обращая внимание на универсальность часту-

¹Мологский уезд с городом Мологой – местность в западной части Ярославской губернии при слиянии рек Волги и Мологи, с северо-запада и юго-запада граничил с Новгородской и Тверской губерниями. Известен с XIII века, в XV – начале XX вв. имел значение как крупный торговый пункт на Волге и земледельческая область. В начале 40-х гг. XX века затоплен водами Рыбинского водохранилища [3].

²Частушка (*частая, частуха*, припевка, прибабка, коротушка) – один из жанров народной лирики. Короткая, обычно четырехстрочная, рифмованная песенка более быстрого, чем протяжная песня, темпа исполнения [11. С. 456]. Производное от глагола «частить», то есть «повторять и делать слишком скоро, спешно: *Песенники частят, зачастили, торопятся*» [5. С. 583].

шечной формы, иллюстрировал ее связь с произведениями мировой поэтической культуры [14. С. 26]. Тем самым он защищал частушку от нападков исследователей, которые видели в ней уродливого эпигона народной песни, и отстаивал право считаться полноценной частью национальной культуры.

«Железные дороги, фабрики, технические усовершенствования, освободительные идеи, газетчина – эти факторы являются гнилыми микроорганизмами, все ускореннее разлагающими быт» [13. С. 4].

Это был голос не противника прогресса, но приверженца традиционной культуры, долгое время сохранявшейся в народной среде. Построенная на фундаменте православных ценностей, крестьянская община культивировала трудолюбие и скромность, приоритет духовных запросов, трезвость, нестяжание ради богатства, уважение к старшим и сострадание к ближнему, неглумливость, благоговение перед словом. Вспомним типы идеальных крестьян Д. В. Григоровича, героев не склонного к идеализации Г. И. Успенского, произведения знатока народных «устоев» Н. Н. Златовратского, Н. С. Лескова с его «Запечатленным ангелом», других известных авторов «Отечественных записок».

Конечно, пореформенная деревня быстро менялась, и не столько амбиции наступавшего на нее промышленного капитала становились источником апокалипсических ощущений ревнителей «истинной» культуры, сколько сопутствующая капитализации власть имущего, меркантилизм и жестокость, духовная ущербность и противление, словом, «освобождение» от нравственных вериг, укоренявшееся в далеко не однородной уже крестьянской среде.

Опасения обоснованные, если вспомнить потрясшие образованное общество, вызвавшие споры чеховские рассказы «Мужики» и «В овраге», где эхом происходящих событий звучали слова «народ ослабел» [16. С. 355]. Достигший высоты чеховской типизации А. П. Рябушкин³ на картине «Чаепитие» безжалостно правдиво изобразил русскую деревню «с ее ситцами, “бурдовыми” бума-

зеями, калошами и “спиджаками”», а вместе с тем и «вытравленностью онаглевшей души» ее представителей [4. С. 2].

Подобный взгляд на деревню, возмущивший Л. Н. Толстого и покоробивший И. А. Бунина» [16. С. 435], еще не написавшего своей «Деревни», вовсе не исключал способности и желания увидеть обнадеживающе здоровое в ее нелегком существовании, в искренности просветительских намерений нарождающейся сельской интеллигенции, в творческом порыве, хранящем восприимчивую душу.

Так, деревенский поэт, «живущий вдалеке от безумства столиц», их дворцово-садового рая со страницы ярославского «Голоса» взывал к согражданам:

Я зову вас туда, где в тиши шалаша
Мир не кажется мрачен и тесен,
Где в волшебную даль так и рвется душа,
Чтоб наслушаться сказок и песен [10. С.2].

Не поэт, но романтик Вас. Князев, вторя ему, восторженно рассуждал о творческом потенциале деревни, выделяя как тему разговора склонность народа к балагурству и ссылаясь на «вороха частушек» «пестрее цветущего луга». Примером служила бьющая ключом песенная энергия 16-летней Настеньки: «в глазах солнце», «в душе свирели». Материалом для наблюдения – частушечная перепалка Настеньки с ухажером Микешкой, у которого собственных бойких словечек, как «подсолнухов в лавке».

Девушка задирала парня:
Белобрысый, что в сметане,
Летом валенки носил,
Пил он водку, ел селедку,
Старых баушек любил.
И он ей не спускал:
Наша Настенька модна,
Много промодела,
На поляночку пришла –
Сестрино одела.

«Красочности и пахучести» народного языка, как того хотел автор, эти частушки не демонстрировали, но подтверждали его гибкость, живость да находчивость девушки, щебечущей, о чем придется, с легкостью пташки.

Не изменяя своему настроению, корреспондент завершал разговор с читателем идилично, но наводил на мысли совсем нерадужные:

³ Андрей Петрович Рябушкин (1861-1904) – русский художник. Его отличал дар исторической прозорливости, реалистическая точность письма и «бесцеремонность» очевидца, не допускающего прихорашивания своего предмета [1. С. 338].

«В городе Настенька превращается в шикарную горничную из первых домов и если попадает на грязные плиты Невского проспекта, то не иначе как в нарядной шляпе и модном пальто» [7. С. 2].

Очерк реалиста К. Парменова заявлял о распаде деревенской идиллии, частушки лишь косвенно это подтверждали. Как и уже приведенные, они не занимались «высшею правдою», а принадлежали личным интересам, сиюминутным чувствам, так сказать, «злобе дня», что совсем не одно и то же для очеркиста и деревенских сочинителей.

К. Парменов призывал «прислушаться к голосу деревни», чтобы лучше понять происходящие с ней метаморфозы и, добавим, принять разные на нее точки зрения. Больше публицист-бытописатель, чем исследователь фольклорист, он признавался, что наблюдения его были очень непродолжительными, что из «моря частушек» «удалось выхватить» далеко не самые «характерные и красочные», но свою задачу – показать, как мода меняет вкусы, манеру поведения, весь облик крестьянской молодежи – выполнил.

Балансируя между исследованием и рассказом, К. Парменов склонен к констатации фактов, подтверждающих вывод из предварительного анализа жизненной ситуации. Комментарий его неширок и не содержит обобщения, тем более прогнозов или предостережений, но, основанный на личностной позиции, делает изложение персонифицированным. Очевидно, что автор заинтересован, обеспокоен, стремится привлечь внимание к общественно значимой проблеме. Вместе с издателями газеты он апеллирует к читателю, стараясь сделать газетную страницу не средством информации только, а средством коммуникации – доверительного общения в эпоху полярных мнений и контрастных оценок.

Сегодня представленный очеркистом материал (26 частушек и авторский текст) позволяет проиллюстрировать своеобразие культурно-исторического момента и его отражение в языке, а также «оживить» малый уголок деревенской Атлантиды, более или менее для нее типичный, заставив звучать голоса времени.

В начале XX века обстоятельствами, обусловившими резкие социальные сдвиги, кроме технизации, были урбанизация и распространение грамотности.

Технизация радикально меняла предметный мир человека, культурно-цивилизационную среду, а вместе с ней представление о хорошей жизни и характер потребностей. Для массового потребителя благ начала работать индустрия культуры, ориентированная на удовлетворение унифицированных запросов. Диктовавшая их мода способствовала стандартизации вкусов, поддерживаемых разрастающейся рекламой. Быстрое развитие транспортных средств ускорило темп жизни и среди прочего обеспечило информационный обмен между городом и деревней. В силу распространения начальной грамотности пришли «на село» дешевые «книжки для народа», а также газеты, ставшие вместе с модными журналами и рекламными открытками рассадником эмансипированных представлений и чувств.

Стремление к «нескучной», «достаточной» жизни у деревни, а у города – к обретению рабочих рук для ее обеспечения проявилось в нарастающем процессе урбанизации. Известно, что за первые 15 лет XX века городское население в России увеличилось почти на 50%, а обе столицы перешагнули по населению миллионный рубеж [2. С. 182, 184]. Крупные города окружали себя «серым кольцом» промышленных окраин и предместий, население которых пополнялось за счет деревенских переселенцев, приобретавших черты «горожанина». Как потребитель и транслятор «массовой культуры» такой горожанин был экспансивен и привлекателен для сельчан. Очерк К. Парменова тому доказательство.

Под натиском прогресса, подобно другим, мOLOGская деревня не только изменилась до неузнаваемости, утратив былую простоту нравов и патриархальность быта, но и была частично сметена его волной. «Деревня бежит, – свидетельствовал К. Парменов, – начиная с детей и кончая стариками, в город; бросаются даже сравнительно благополучные хозяйства; крестьяне перестают смотреть на землю как на кормилицу-матушку, а видят в ней одну обузу, которую сбрасывают при первой возможности. В мOLOGском уезде встречаются деревни, в которых у половины домов окна заколочены досками, и нет ни одного дома, где бы ни жил один или два человека в «Питере» или другом городе».

Оставивших знакомые места в поисках лучшей жизни для себя или для семьи в деревне называли «питерянами».

«Питеряны» везли из города новые пристрастия и презрение к «деревенщине». Формировавшийся социокультурный тип не был однороден. О таких, кому не удавалось «хорошо пристроиться в городе», говорили «Питер бока вытер» и «частили»:

Наши дома работают,
А мы в городе живем.
Наши денег поджидают,
А мы в *лапотках* идем.

Бывало (утверждал журналист с уверенностью очевидца), что неудачников городская жизнь «топила, а потом выбрасывала в ту же несчастную деревню в виде зимогории⁴ и нищенства». Ну, а тот, кому посчастливилось «выбиться в люди», любил «пофорсить»⁵. Под бойким пером оживает картина хвастливого торжества: «Еще на станции выбрасывается подчас последняя трехрублевка, нанимается тройка удалых ямских с бубенцами, и «питерянец» с шиком въезжает в родную деревню, вызывая удивление и завистливые взгляды своих односельчан».

«Питерский щеголь» быстро завоевывал неопытные сердца деревенских красавиц, и перед его самоуверенным видом «скоро ступшеывались и отодвигались на задний план» неповоротливые «Ванюхи» и «Митюхи». Те, в свою очередь, бунтовали, приставая к отцам (финансовой самостоятельностью парни не обладали) с просьбой о покупке «щиблет», часов, шляпы, трости, сорочки, «галстуха» и т.п. «Охота» их иметь была так велика, что, встречая сопротивление старших членов семьи, они бросали родной дом и самовольно уезжали в город. Подобно чеховскому герою Анисиму, уехавшие поддерживали миф городского благоденствия: «Там не деревня...» [16. С. 348].

Случалось, «питерянец» женился в городе, а потом привозил свою «молодую» в деревню, а вместе с ней, вольно или невольно, и дух городской жизни. Деревенские девушки, вдохнув его, заражались модной ли-

хорадкой: давай им зонтик, шляпу, «прозрачный шарф», калоши, часы, брошку, браслет, кольца, духи. Именно они (возьмем Настеньку) становились атрибутами их девичьего преуспеяния.

Воображение читателя безошибочно рисует подсказанный пишущим грустный итог: мужик продавал последний хлеб, вел на базар последнюю коровенку, у детишек отнималось последнее молоко и, чтобы «не отстать от других», покупались старшей дочке «карсет», модная материя на платье «по картинке»; пальто, сшитое «по журналу», ботиночки – «щегреневы носки», «перчатки», что подтверждает частушка:

У Машутки зонтик есть –
Дома нечего поесть.
На белой груди часы –
Нечем сеять полосы.

Частушка возникала как импровизация, моментальный поэтический отклик на ту или иную жизненную ситуацию, событие дня, мелкий бытовой факт, не морализировала, не наставляла, но могла содержать обобщение, придающее факту общественное звучание – долю публицистичности⁶. Например, тяга к «новомодному», по мнению стариков «заедающая народ», аргументировала вывод доморощенного философа:

Самовары, самовары,
Самовары медные,
Не от вас ли, самовары,
Стали люди бедные?

Самовар был не только необходимой вещью в семьях, где долгие чаепития порой заменяли сытные обеды, но и видимым признаком достатка в крестьянской среде, как в городской мещанской – граммофон. Он уже распевал голосом Шаляпина и Вяльцевой, когда гармошка привычно оформляла беседу⁷, «на подмостках» которой разыгрывались

⁶К. Парменов, называя «погубившую и поглотившую заунывную песню частушку» современной деревенской поэзией и публицистикой, последнее подтверждал тем, что она отражала общественные процессы, в частности «погоню за призраком наживы», «поступательное движение моды из города в деревню». Утверждение небесспорно. На наш взгляд, интереснее другое: в доступную и облюбованную форму частушки «упаковывались» мысли, подтверждавшие появление дистанцированного взгляда на происходившее рядом, способность думать отвлеченно, обязательная для публициста.

⁷ В деревне *беседа* - вечернее собрание молодежи с пением и плясками; в зимнее время собирались в доме, по очереди у каждой из девушек, или в специально арендуемом помещении, а летом – на улице, на поляне [18.

⁴*Зимогорами* называли сезонных рабочих на Волге, прибывающих случайными заработками на погрузке и разгрузке судов, «мыкающих горе» зимой, а также боясков и бродяг, практически нищих, к тому же людей отчаянных, драчунов и скандалистов [19. С. 121].

⁵Форсить – чваниться, ломаться, важничать, задавать тону, пускать пыль в глаза [5. С.538].

комедии и драмы деревенской жизни, попавшей под влияние разорительной и не всегда понятной моды:

Купи, *тятенька*, телегу
 Новой моды – без колес.
 Сватай, маменька, невесту
 Новой моды – без волос.

Частушка, следуя обыденным выражениям, иногда утрировала ненароком детали внешнего вида («без волос» – всего лишь «стриженная»), зато была индикатором модных «вожделений». Например, частота упоминаний подтверждала, что мечтою деревенских модниц сделались калоши:

Продай, *тятенька*, рожь и овес:
 Не пойду я на *беседу* без калош.
 У калошей-то высоки каблуки –
 На *беседу*-то к нам ходят женихи.

Девушка еще оправдывала свою просьбу тем, что много работает по дому:

Купи, *тятенька*, калоши,
 Я годок потопаю:
 Я ли, я ли тебе, *тятя*,
 Я ли не работаю?

Нередко родные, сопротивлявшиеся настойчивым домогательствам дочери, «выходили из терпения»: насмеялись над «модной», грозили наказанием или отправляли «заработать сперва на стороне», понимай – «прислугой»:

Попросила я у батюшки
 Резиновых калош –
 Купил десятеры лапти:
 «Выбирай, которы хошь!»

Попросила я у матушки
 Суконнова пальта –
 Посулила мне *радельница*⁸
Ременного кнута.

Милые родители
 Сильнехонько обидели:
 Платьца не справили,
 В чужи люди отправили.

Но обида, жалоба, оправданье или укоризна теперь не единственные реакции на отказ: «бедовая» (бойкая, отчаянная) девушка протестовала:

Не пойду я жать овес:
 Брат на платье не привез!

Немало бунтарок разного рода показала нам литература. «Не стану больше работать... не желаю больше служить», – кричит разгневанная чеховская молодуха. А в ответ слышится стариковское: «Родителей не почитают... конец света пришел» [16. С. 355, 367].

Частушка лишена художественного аффекта. Думается, протест мог быть и воображаемым эмоциональным откликом, перенесенным в игровую реальность беседы, где разворачивалось коллективное действие и где у девушки были сочувствующие. Частушки парней, далеко не равнодушных к «кустому» «милашки», требующему средств и смелости добиваться желаемого, доказывали это с простоватой откровенностью:

Уж ты, милая моя,
 Какая *забедовая*!
 У тебя ль, моя милая,
 Кофточка шелковая?

На горе-то стоит баня,
*Тыном*⁹ огорожена;
 У милашки шубка нова
 Котиком обложена.

Нарядная сама «не лыком шита», могла выбирать и, если смелая, даже отвоевывать кавалеров – немодная покорность уходила в прошлое, женщина сопротивлялась обстоятельствам «несмотря ни на что»:

Сошью кофту на буклю,
 Ремень кажаной куплю:
 У подружки ходит *дружка* –
 Постараюсь отобью.

Конечно, модная подружка была опасной соперницей:

На подружке бусы дуты,
 Алая гребеночка:
 Хочет, хочет отбивать
 Последнего миленочка.

Чтобы преуспеть, деревенским прелестницам приходилось принимать и экстраординарные меры, что не оставалось незамеченным и одобрялось как простодушная, но результативная находчивость:

На беседушку взойдут,
 Щечки клюковкой натрут,
 Щечки клюковкой натрут –
 За *хороших*¹⁰ идут.¹¹

С. 55]. Так, Настенька «на поляночку пришла – сестрино одела».

⁸*Радетель (радельница)* – кто радуется кому или о чем; добротот, заботник, рачитель [21. С. 9].

⁹*Тын* – вид изгороди из горизонтальных жердей, между которыми переплетаются прутья или тонкие кольшики [22. С. 123].

¹⁰*Хороший* в ярославских говорах *милый, любимый* [23. С. 39]. Среди частушек, собранных П. А. Флоренским, есть сходный пример: «Я сидела под окошком, шила

Однако кое-кто позволял себе примитивные народные средства заменять городской косметикой:

Коля, Коля, Колистой,
Какой ты разговористой!
Кто за Колю *ладится*,¹²
Румянами мажется!

Бескровное соперничество деревенских кокеток, их кавалеров провоцировало на ссоры и потасовки, после чего прилюдно, в порядке «любовной» игры, потерпевший пытался урезонить свою милую:

Не зачесывай *зачесы*¹³,
Ягодиночка моя:
Как за эти-то зачесы
Бьют товарищи меня!

Родители же, бывало, учили «форсиху» скромности и радикальным способом, из чего для беседы не делалось секрета, но место жалобы занял вызов:

Меня маменька прибила,
И прибила ой – ой – ой!
За фартовова¹⁴ мальчишка
Об *лежанку* головой!

Частушка рисовала весьма точный портрет девичьей «симпатии»:

В поле камушек белеет,
И белее его нет.
Милый троечку наденет –
И милее его нет.

Миленький фартовенькой,
В рубашечке бурдовенькой,
Светлы пуговики, ремень,
Голосочек, как свирель.

Словоохотливость и толк в «обхождении» – умение сделать комплимент (к слову, то и другое выражалось в форме частушки) входили в реестр привлекательных для девушек черт и превалировали в оценке.

Детали внешнего вида, манеры приобретали характер знака, легко «прочитывались» знающими этот язык и воспроизводились – кодифицировались. Соответственно неписаному своду сомнительных достоинств

преподносил сам себя местный или приезжий «ферт»¹⁵:

Я сидела на *пучке*¹⁶,
Пришел милый в сюртучке,
Черны брючки, в карман ручки,
И фуражка на ушке.

Ласкательность слога, нередкая для девичьей частушки, как и для традиционной песни, передает умиление или природную склонность к сентиментальности, не мешая, впрочем, увидеть в портретируемом чванливого, пустого франта.

Красноречивый, хотя и безмолвный «разговор» в обстановке деревенской беседы превращался в открытый драматизированный диалог, копирующий ходовую городскую галантность:

Антиресно мне узнать,
Который час, милой, у вас?

Якобы «посрамленный» парень добродушно откликнулся:

У нас неверные часы:
Одна цепочка для *красы*!

Насмешница изображала снисходительность:

У милова часов нет,
Повешу ему репку,
Белу репку для *красы* –
Подружки думают: часы.

Когда «влопается» (попадет впросак) девушка, ей тоже не спустят – таков закон жизни, усвоенный жанром:

Шляпу новую надела
Дунька задом наперед:
Оскандалила подружек,
Насмешила весь народ!

Карикатурность образа, построенного на базе невымышленного фактического материала, побуждает обратиться к наброску корреспондента «Голоса» С. Кана. Описывая праздничную городскую толпу, он замечал: «Мелькают ярко цветистые ротонды¹⁷ и саки¹⁸ деревенских молодых» – «времена, когда они гуляли на “столбах”¹⁹ в зипунах²⁰, серых

платьецо с горошком, две оборочки подряд, – для хороших ребят» [13. С.17].

¹¹*Идти* – подходить, соответствовать, быть пригодным [19. С. 133].

¹²*Ладится* – собирается (замуж) [20. С. 118].

¹³*Зачесы* – чуб, кудри [19. С. 112].

¹⁴*Фартовый* (прост.) – очень хороший, замечательный [8. С. 780].

¹⁵*Ферт* (прост.) – самодовольный, развязный и обычно франтоватый человек [8. С. 781].

¹⁶Это мог быть *пучок* льна; связка, охапка прутьев [21. С.–109].

¹⁷*Ротонда* – в начале XX века верхняя теплая женская одежда без рукавов в виде длинной накидки [5. С. 631].

¹⁸*Сак* – мужская одежда, пиджак [22. С.7].

¹⁹*Столбы* – бытовой обряд (другими словами – «красная горка»), заключающийся в том, что в «масленный понедельник» в Ярославль на гулянье около гостиницы «Столбы» собирался народ из окрестных деревень, в обязательном порядке – молодожены, о которых гово-

валенцах и соломенных шляпах с цветами, перьями и лентами (то есть несезонных, а потому нелепых – Г. М.), отошли в область преданий». И тут же фельетонист набрасывал шаржевый портрет незадачливых молодоженов:

«...Идут, взявшись за руки. У него пальто нараспашку, “чтобы, дескать, лису было видно”, как выразился бородастый торговец; зеленый галстук съехал в сторону, концами красного “кашнэ” играет ветерок. Он по временам нежно заглядывает ей в лицо. У нее вид довольно победоносный. Одета в коричневое пальто, на шее огромный ярко-розовый бант и черный горжет, шляпа черная, “котиновая”, с сиреневым бантом, сзади болтается голубая ленточка /.../; фиолетовая вуаль, зеленая юбка сильно измята, видно, что только вынута из сундука» [6. С.3].

А ведь в этой не лишенной назидания картинке можно увидеть весь набор цветов и фактур изысканного серебряного века, так же, как в деревенской беседе – аналог городского клуба или столичного салона, где, конечно, стихи несравненно изящнее, и наряды изощреннее, и эротика утонченнее. Вот несколько строк петербуржца О. Мандельштама, изобразившего акварельный флер рафинированного предметного мира:

Немного красного вина,
Немного солнечного мая, –
И тоненький бисквит ломаю,
Тончайших пальцев белизна [2. С. 143].

Музыка безупречных слов заволаживает, легко вообразить салонную мелодекламацию таких строк. А можно, потворствуя воображению, представить и городской синематограф, где характерно движущиеся картины «из жизни богемы» сопровождаются неприятельной игрой случайного тапера. Все это

рили «столбятся» (гуляют по определенному маршруту [22. С. 75]). Картина бывала очень впечатляющая: все разряжены, разговаривают, много зевак из горожан. Центром внимания становились молодухи-модницы. Грубо забавлялись купцы и приказчики, связывая косы гуляющих девиц или пуская в нарядную толпу пьяных зимогоров, предварительно выпачканных в муке или саже. Такого рода «чужачества» (а если пренебречь газетным эвфемизмом, то просто хулиганство) в 10-х годах уже не были в ходу. Прогрессировали от года к году и вкусы, о чем говорили «модные и полумодные ротонды, шубки, саки, почти сезонные шляпки» [12. С. 3].

²⁰ *Зипун* – полушубок, тулуп из меха; плохая, поношенная одежда [19. С.122].

пределы единой культуры (высокий, низкий и средний, примиряющий), которые и граничат, и соприкасаются, поддерживая модную иллюзию равноправия всех и каждого перед достижениями культуры и щедротами цивилизации.

Язык (речь) тоже имел общие и дифференцирующие, «предельные» черты. Для частушки – это выраженные диалектные и разговорно-просторечные признаки в произношении, лексике, грамматике: смещение ударения, в основном обусловленное рифмой, искажение фонетического облика иноязычных слов, стяжение и ломка форм.

Диалектные слова, значение которых раскрывается в сносках, и те немногие, которые не толковались ввиду семантической прозрачности (см. среди выделенных в частушках курсивом), называют приметы сельского пейзажа, предметы интерьера, утвари, являются характеристическими наименованиями людей, обозначениями их признаков, роли в семейном ансамбле – словом, всего, с чем люди сжились, о чем привыкли говорить. Просторечия чаще соотносятся с новыми явлениями в деревенском быту, репродуцируют городскую моду. Обновляющейся картине мира соответствовало новое «наречие», отразившееся в незамысловатых деревенских экспромтах.

Частушка не вырабатывала тонкого понимания красоты, эстетический модус ее невелик, язык прозаичен. Она образна, экспрессивна, порой эмоционально убедительна, но не живописна, незатейлива в выражениях, не требует расшифровки, обнаруживает некоторую огрубленность чувств. Гиперболизация интереса к деталям, касающимся новых черт быта, дробность изображения хоть и сближают ее с художественным стилем того времени, но не аккумулируют цельности и глубины образа, которой достигает художественное слово.

Мастерски характеризовал своих героев А. П. Чехов, привнося в зарисовки вынашиваемый деревней идеал. Поразительно совпадают его изображения с натуралистическими картинками деревенской поэзии и городской публицистики.

Предельно просты, но не без поэтических штрихов и подтекста описания женских персонажей – готовящейся к свадьбе тихой невесты Липы, беззлобной «мачехи» Анисы-

ма Варвары, невестки Аксиньи – красавицы с «онаглевшей душой»:

«Липа была в розовом платье /.../, и пунцовая ленточка, точно пламень, светилась в ее волосах». Деревенские портнихи «Варваре сшили коричневое платье с черными кружевами и стеклярусом, а Аксинье – светло-зеленое» [16. С. 347, 348].

Аксинья в праздники ходила в шляпе и с зонтиком. Сейчас же, прихорашиваясь на наших глазах, бегала «завитая, без платья, в корсете, в новых скрипящих ботинках». А чуть позже, стройная, в зеленом с желтой грудью платье, она глядела на вас, «как весной из молодой ржи глядит на прохожего гадюка, вытянувшись и подняв голову» [16. С. 350, 353].

Ярославские публицисты тоже прорисовывали, укрупняли черты повседневности, используя разные языковые коды. «Маленький фельетон» С. Кана напоминает сатирическую публицистическую графику, популярную в начале XX века, связанную с социализацией общественной атмосферы. Репортажный стиль, языковая имитация (череда коротких диалогов, разговорные и просторечные вкрапления, перлы народной речи) усиливают эффект присутствия в многоголосой толпе, где смешались городские и деревенские, воссоздают неповторимый местный колорит. Вот, к примеру, старый крестьянин ворчит на взявших новую моду молодых, вспоминая, как «бывало со своей баушкой, царство ей небесное, столбился»:

«Нынешние столбы никуда не годятся. Страмота. Никакого развлечения души не выходит. Вон тот парень: какой он молодой? Так, какая-то опоенная лошадь. И молодайки ничего не стоят. Чапъжатся²¹, словно городские».

Свои «спецэффекты» есть и в материале К. Парменова: впечатляющие картины «бегущей деревни» и «разгулявшегося молодца», выразительность, создаваемая за счет стилизации и попытки типизировать черты «героев». В тексте, имеющем в основном книжный строй, также не кажутся неуместными диалектные и просторечные языковые единицы: они коннотативны, способствуют передаче авторского отношения и эмоциональной оценки. Допускаем, что пишущий

²¹ Чапуга (чапыжи) – густая заросль кустарника или высокой травы [23. С. 48].

сам является носителем диалекта, не отгорожен и от городского просторечия. Следы нарочитой книжности (зимогория, нищенство) здесь даже менее естественны, чем просторечный инкрустаж.

С помощью своих корреспондентов газета «ставила» голос, усиленно искала тон, притягательный для читателя, способствующий решению «сокровенной» задачи объединяющего взаимопонимания.

Язык отражал реальность и интерпретировал ее, создавая особую действительность, в которой существовал человек, испытывая на себе ее влияние. В частушках, возникших из текучей стихии жизни, косвенно отразились происходящие в народной массе процессы, вкусовые предпочтения молодых, их поведенческие стереотипы и потребность творческого самовыражения; в газетной публицистике – общественный тонус, речевая толерантность, культурная политика идентифицирующей себя интеллигенции. А вместе это – отзвуки минувших лет, помогающие нам осознать менталитет нации, стоявшей на пороге тяжелых испытаний – тоже своего рода предела времени процветания и относительного благополучия. Когда вся мощь технического совершенства обрушится на человека и в страшной бойне близким станет далекий мир, не о моде запоет русская деревня, следуя риторике газетных военных воззваний и воодушевляясь патетикой героических песен:

Пойдем, пойдем, товарищ мой,
Служить за Родину с тобой.
Мы заслужим честь в бою
Иль сложим голову свою [15. С. 2].

Библиографический список

1. Бенуа, А.Н. Русское искусство XVIII-XX веков [Текст] / А.Н. Бенуа. – М.: ЯУЗА, ЭКСМО, 2004. – 544 с.
2. Березовая, Л.Г. История русской культуры [Текст]: учебник для студ. высш. учеб. завед.: в 2 ч. / Л.Г. Березовая, Н.П. Берлякова. – М.: ВЛАДОС, 2002. – Ч. 2. – 400 с.
3. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс] – 2007 (3 CD-ROM).
4. Глаголь, С. Из жизни искусства [Текст] / С. Глаголь // Голос. – 1914. – № 2. – 3(16) янв.
5. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. [Текст] / В. Даль. – М.: Рус. яз., 1981-1982. – Т. 4. – 1982. – 683 с.
6. Канн, С. «Столбы» [Текст] / С. Кан // Голос. – 1911. – № 38. – 17 февр. (2 марта).

7. Князев, Вас. Настенька и Микешка [Текст] / Вас. Князев // Голос. – 1913. – № 167. – 23 июня (5 авг.).
8. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. д-ра. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – 846 с.
9. Парменов, К. Моды в мологской деревне [Текст] / К. Парменов // Голос. – 1912. – № 223. – 24 сент. (7 окт.).
10. Поэт из деревни. «Я зову вас туда» [Текст] / Поэт из деревни // Голос. – 1913. – № 216. – 21 сент. (4 окт.).
11. Словарь литературоведческих терминов [Текст] / ред. Т.П. Козымова; ред.-библиограф З.В. Михайлова. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
12. «Столбы» [о массовом гулянье] // Голос. – 1913. – № 41. – 19 февр. (4 марта).
13. Флоренский, П.А. Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда [Текст] / П.А. Флоренский. – М.: Сов. Россия, 1989. – 112 с.
14. Флоренский, П. Собрание частушек [Текст] / П. Флоренский // Музыкальная жизнь. – 1990. – С. 25-27.
15. Частушки о войне [Текст] / публ. В. И. Симанова // Голос. – 1914. – № 246. – 25 окт. (7 нояб.).
16. Чехов, А.П. Собрание сочинений в 12-и томах. Т. 9 / прим. В. Гуминского [Текст] / А. П. Чехов. – М.: Изд-во «Правда», 1985. – 447 с.
17. Ярославль: история города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года [Текст] / под ред. д-ра ист. наук, проф. А.М. Пономарева; авт. вступ. статьи д-р ист. наук, проф. А.М. Пономарев; сост. В.Н. Козляков, Г.Н. Полева, Л.А. Полушкина и др. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. – 432 с.
18. Ярославский областной словарь: вып.1-10 / под ред. Г. Г. Мельниченко. – Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1981-1991.

Н.М. ЕПИФАНОВА

В.К. Беллюстин – педагог и методист

В статье идет речь о жизни и творчестве В.К. Беллюстина (1865 -1925), математика и методиста начальной школы, чей творческий путь начинался на Ярославской земле, в Новинской учительской семинарии, открытой по предложению основоположника русской педагогической науки К.Д. Ушинского в селе Новом Мологского уезда Ярославской губернии.

In the article it is said about the life and creativity of V.K.Belljustin (1865), the mathematics and the methodologist of an elementary school, whose career began on the Yaroslavl ground, in Novinskaya teacher's seminary opened under the offer of the founder of Russian pedagogical science of K.D.Ushinsky, in the village New of Mologsky district of the Yaroslavl province.

В связи с юбилеем Ярославля на страницах периодических изданий много внимания уделяется людям, внесшим неоспоримый вклад в процветание культуры и науки многовекового города. Но в истории Ярославского края есть люди, чьи имена почти забыты земляками. Таков русский педагог – методист Всеволод Константинович Беллюстин.

Он родился 3 февраля 1865 г. в Зубцове Тверской губернии в семье священника. В 1886 г. окончил физико-математический факультет Московского университета со степенью кандидата. Работал в Алексинском уездном училище, в Поливановской и Новинской учительских семинариях. В 1903-1912 гг. был директором Поливановской учительской семинарии, в 1912-1916 гг. – директором народных училищ Владимирской губернии, с 1916 по 1919 г. – директором Нижегородского учи-

тельского института. В 1919-1921 гг. он – учитель сельской школы Саранского уезда. В 1921 г. вновь вернулся в Нижегородский учительский институт, где продолжал работать до конца своей жизни, преподавая психологию, педагогику, историю и методику преподавания математики. Умер в 1925 г. [16].

На протяжении всей своей педагогической деятельности В.К. Беллюстин занимался разработкой основных вопросов теории методики преподавания арифметики; долгие годы являлся руководителем летних курсов народных учителей центральных губерний России, участником учительских съездов.

В.К. Беллюстин сформировался как педагог и методист на Ярославской земле, рабо-